

Танкер «Дербент»: Командиры -2

Category: Kitarcy, Powestler

написано kitarcy | 23 января, 2025

Танкер "Дербент": Командиры -2 2.

Человек этот ехал издалека и от скуки заводил знакомства в вагоне. Молоденькой девушке в соседнем купе он поднес букет ранних цветов и помог уложить вещи на полку.

– Я люблю дорогу, – говорил он непринужденно, – нигде не завяжешь таких любопытных и разнообразных знакомств. Дорогой вы отдыхаете, но в то же время как будто делаете полезное дело – приближаетесь к цели. От этого рассудок, ваш становится восприимчивее, в вас пробуждается интерес к людям. В дороге люди становятся гораздо общительнее. Вот мы с вами еще час назад не знали друг друга, а сейчас вы слушаете меня, как будто я ваш старый знакомый. А ведь заговори я с вами на улице – вы, пожалуй, оскорбились бы. Кстати, пора нам познакомиться, – штурман Касацкий.

Они стояли у раскрытого окна вагона. На горизонте уже маячили вышки нефтяных промыслов, и далекое море сверкало, как полоска стали. Штурман Касацкий вежливо отстранился, затягиваясь папироской, чтобы дым не попадал в лицо собеседнице. Она смотрела на него с любопытством и опаской. С любопытством потому, что движения его, также как и обороты его речи, были неожиданны и быстры, и потому, что она никак не могла даже приблизительно определить его возраст. С опаской потому, что по временам он взглядывал на нее очень пристально, как бы оценивая, а когда отворачивался и смотрел в окно, ей все казалось, что он видит ее и отмечает каждое ее движение.

– Я изъездил полсвета и большую часть жизни провел в пути. Все мысли моряка устремлены всегда к конечному пункту плавания. Там начинается новая страница его жизни. Что может быть чудесней ночи в незнакомом южном порту? Вы приходите с моря, и вас обступают береговые огни. Они отражаются в воде и струятся

из глубины моря целыми потоками света. Судно приваливается к стенке набережной, вы слышите голоса, говорящие на незнакомом языке, видите причудливые силуэты зданий, купы неизвестных вам деревьев.

Вам хочется поскорее углубиться в этот город, где вам суждено провести всего одну ночь. И потому, что в вашем распоряжении только одна ночь, вы чувствуете себя так, будто только что появились на свет, и чужой город для вас чудная игрушка. Уверю вас, это совсем особое состояние – только любопытство и беззаботная легкость, ничего больше.

– Да, это, должно быть, хорошо, – сказала девушка. Она зажмурилась и облизнула полные яркие губы. – Расскажите еще что-нибудь. Может быть, вы поэт?

Касацкий сдернул фуражку и запустил в волосы длинные пальцы. Она с удивлением отметила, что голова его совсем седая.

– В молодости я писал стихи, но... бросил, – весело засмеялся он. – Подверг себя самокритике и не одобрил. Бросил, как и многое другое, о чем и вспоминать не стоит. А вы любите стихи?

– Люблю. Расскажите еще что-нибудь. Вы будете плавать, я вам завидую.

– Напрасно. В нашем деле, как и во всяком другом, есть свои верхние этажи, есть и подвалы. Теперь мне придется спуститься в подземелье, в самую грязь. Я еду на Каспий и буду плавать на нефтевозе. Каспий – внутреннее море, там нет ни неведомых городов, ни новых рейсов. Зверская жара, берега – пустыня и огненный груз. Я назначен на «Дербент» – один из танкеров новой постройки. Это, знаете ли, плавучие цистерны гигантских размеров. Своеобразные морские ночлежные дома. Называют их так потому, что моряки не плавают на них долго и сбегают под разными предлогами. Трудно выдержать убийственное однообразие одних и тех же рейсов, во время которых обязанности распределены и заучены, как постылая пьеса. И антракты коротки – трехчасовые стоянки во время налива. Нашли, чему завидовать.

– Бедный вы, – сказала девушка сочувственно, – вы любите далекие скитания. Зачем же вы едете туда?

– Да, плавать будет тяжело, – меланхолично продолжал Касацкий, словно не расслышав вопроса, – на берегу события оглушают

людей. Кто бы они ни были, каждый новый день готовит им крупицу неожиданности.

Я же буду только слушать радио и изредка читать газеты. Впрочем, и для меня может быть уготовлена неожиданность в своем роде. Недавно на Каспии сгорел нефтевоз «Партизан», может быть, слышали? Такие-то дела.

Он говорил медленно, полузакрыв глаза, и лицо его казалось печальным. Девушка вздохнула.

– Не грустите, – сказала она, дружелюбно дотрагиваясь до его руки.

Касацкий тотчас встрепенулся.

– Сейчас я представил себе свое будущее. В большие праздники судно будет вставать у причала, и время стоянки удлинится разве что на каких-нибудь полчаса.

Больше обыкновенного будет женщин на пристани.

У них вся забота – мужья, да отцы, да братья, которых они видят только три часа в пятидневку. Но ко мне никто не придет. Я один. – Он помолчал. – Один – как перст... Я вам не надоел, простите?..

– Пожалуйста, продолжайте, – сказала она. – Смотрите, солнце заходит!

Солнце спускалось за бурые холмы, и тучки над ним порозовели. Девушка прислонилась к косяку окна, и ветер шевелил ее волосы. Штурман смотрел на нее сбоку пристально и пытливо.

– Так уж странно устроен человек, – заговорил он опять, – никогда не перестает он мечтать. И в море я буду мечтать о берегу, как будто кто-то ждет меня там.

В купе, которое занимала девушка, стучали костями домино и громко смеялись. Оттуда выглянул темнолицый парень и крикнул:

– Женя, идите к нам. У нас весело.

Девушка ответила с неудовольствием:

– Нет уж, играйте одни!

Касацкий торопливо сказал:

– Не пройтись ли нам выпить чего-нибудь? Здесь так жарко.

Они прошли несколько вагонов молча. На сцепных площадках он поддерживал ее, крепко сжимая руку выше локтя. В ресторане он потребовал вина и папирос. Она спокойно выпила бокал. Он

спросил ее, кто она такая. Она улыбнулась.

– Я студентка Нефтяного института, – собственно говоря, я уже инженер.

По его лицу прошло что-то вроде нетерпеливой судороги. Несколько минут он как бы собирался с мыслями.

– Техника, – сказал он, – как она изменяет лицо, дух профессии. Возьмите хоть мою профессию моряка.

Парус изобрели люди бронзового века. По-видимому, это была козья шкура, натянутая на деревянную крестовину. Эти люди были смелыми моряками. Их ремесло было невероятно трудным и, наверное, казалось им увлекательным. Парусное судоходство развивалось не одну тысячу лет, и это был все тот же парус, который всецело зависел от воли ветра. Люди боролись со стихией, и море было для них таинственным, грозным существом. Оно кормило, выбрасывало на берег сокровища, иногда убивало. Жизнь моряка всегда была окутана дымкой романтических приключений. Но вот английский механик Фультон поставил на парусную шхуну паровой двигатель. Суда стали двигаться против ветра.

Они были еще неповоротливы и двигались как черепахи. Гребной винт напоминал штопор. Предполагалось, что такая длинная штука будет лучше ввинчиваться в толщу воды и тянуть судно.

Однажды случилась авария, и от винта откололись куски нарезки. Это случилось в открытом море, и чинить было невозможно. Работать пришлось на остатке винта, и... судно увеличило скорость почти вдвое. Так появились лопастные винты. Море начало сдавать позиции одну за другой. С появлением радиосвязи исчезли тайны кораблекрушений. Стоит посмотреть сейчас на наши танкеры. Назвать их кораблями как-то не поворачивается язык. Скорее, фабрики скорости, транспортные средства. Чтобы потопить их, нужен не шторм и не ураган, а целая метеорологическая катастрофа. И плавающий состав на них – не матросы, капитаны, штурманы, а рабочие, техники, инженеры. Со времени Фультона не прошло и ста лет, а море уже потеряло власть над людьми. Каково!

Касацкий пил вино, и глаза его блестели. Он видел, что собеседница ловит каждое его слово, чувствовал обаяние своего

точного, послушного языка. Он вспомнил темнолицего парня в купе и усмехнулся. «Татарин, наверное», – подумал он.

– Вас ждут ваши спутники, – сказал он внезапно, – может быть, вы хотите вернуться?

Она покачала головой.

– Нет, рассказывайте. Вы говорили о духе вашей профессии. Он изменился? Исчезла романтика?

– Да. Техника мореплавания создавалась сначала руками моряков. Все они жили в море, любили его и в конце концов, вероятно, захлебнулись соленой водой.

А вот немецкий инженер Дизель едва ли плавал по морю иначе как в каюте первого класса. Это не мешает «Дербенту» при помощи дизель-моторов развивать до тринадцати миль на полном ходу. Модели судов испытываются сейчас в специальных лотках, установленных в лабораториях. Там искусственно создаются водяные течения, игрушечные волны. Может быть, люди, сидящие в лабораториях, никогда не видели настоящего шторма, не боролись с ним и не испытывали на себе его ударов. И все-таки транспортные средства, которые проектируют они, не боятся штормов. Романтика моря ютится теперь на рыбацких шаландах, и ею наслаждаются разве только туристы из континентальных городов. А жаль, знаете!

Он допил вино и отодвинул стакан.

– Я с вами не согласна, – вдруг сказала девушка. – На парусных судах люди несут тяжелую, неблагодарную работу. Они не могут совладать с морем и рады, когда им посчастливится выйти сухими из воды. Это и есть их романтика, по-моему. Только ведь это минутная радость, а будни у них тяжелые и скучные. Мне больше нравится романтика достижений. Подводники достают корабли со дна моря. Ледоколы идут в Арктику. Это жизнь! Главное, нет границ человеческим возможностям. Сегодня – на дне моря, завтра – под океаном или на Северном полюсе. Может быть, это сделаю я... или вы. Почему знать? Нет, борьба с природой только еще разгорается. Сколько впереди побед! Когда вы говорили о винтах, мне очень понравилось. А потом вы все испортили, – закончила она с ласковой гримасой. Касацкий опустил голову.

– Вы правы, – сказал он со смирением, – я грубый и

невежественный моряк – и только...

– Э, нет. Вы очень толковый, очень! Только романтику вы видите не там, где надо.

Они помолчали, взглянули друг на друга и засмеялись.

А в купе, которое занимала девушка, продолжали играть в домино. Темнолицый парень с силой ударял ладонью по скамье, выбрасывая кости. Удары звучали резко и оглушительно, как выстрелы.

– Потише бы, Гусейн, – мягко сказал старичок, разложивший перед собой кости в виде забора, – может быть, спят рядом, а вы...

– Ни черта не видно, – сказал парень, смешивая кости. – Темно. Надоело.

Он поднялся, сплюнул в окно и сел на место.

– Послушайте, – заговорил он, придвигаясь, – вы ведь доктор, кажется. Верно?

– Ну, доктор.

– Вот и скажите мне, доктор, что такое запой?

– То есть какой запой? Алкоголизм, что ли?

– Ну, пусть алкоголизм, все едино. Но что это такое? Болезнь или нет?

Доктор погладил бородку.

– Безусловно да. Привычка организма к алкоголю идет рука об руку с отравлением, перерождением тканей. Тяжелая болезнь. И она передается по наследству, заметьте!

– А как лечат от этой болезни?

– К сожалению, есть только одно верное средство, – сказал доктор, улыбаясь, – бросить пить.

– Хорошее средство.

Парень вытянул ноги, прислонился к стенке и затих. Он докуривал папироску, и в темноте казалось, что он держит в зубах уголек.

– А вы запиваете, стало быть? – любопытно спросил доктор.

– Предположим.

– Бросьте, Гусейн. Обязательно бросьте!

– Будьте покойны...

Замолчали. Доктор посидел немного и полез за корзинкой с

провизией. Аккуратно разложил на коленях газету и вытащил крутые яйца, хлеб, цыпленка. Нащупал бутылку с водкой, но оставил ее и быстро закрыл корзинку.

– Славная птичка, – сказал он, прожевывая цыпленка, – хотите кусочек?

– Не хочу, – отозвался Гусейн. – Слушай, доктор.

– Ну?

– Можно ли судить человека за то, что он болен?

– Не понимаю.

– Очень просто! Вы, например, запойный, или, по-вашему, алкоголик, сделали два-три прогула, и вот вас судят общественным судом с обвинителем за красным столом и все такое. Правильно это?

– М-м... Правильно, конечно. То есть я говорю вообще. Видите ли, Гусейн, алкоголизм мы называем болезнью в том смысле, что он сопровождается болезненными явлениями, отравлением организма и так далее. Но от вас зависит положить этому конец, перестать употреблять алкоголь. Если вы этого не делаете и вдобавок нарушаете дисциплину, вас судят. Судят не за то, что вы больны, а за отсутствие воли к выздоровлению. Понимаете?

– Очень просто!

– Вы живете в коллективе, Гусейн, а в коллективе отсутствие доброй воли часто равносильно преступлению. Вы должны были сделать, но не сделали, – преступление, так сказать, пассивное, но... преступление.

– Довольно. Все ясно!

– Уж вас не судили ли, чего доброго?

– А пожалуй, что и так!

– За что же?

– Да все за это.

Гусейн поднялся, и его большое тело заслонило окно, В купе стало темнее.

– Осудили меня крепко, – сказал он спокойно, – вышибли из комсомола, списали с корабля. Что я теперь? Меченый люмпен...

– Не говорите вздора, – сказал доктор строго. – Как это случилось?

– Да просто. У меня, доктор, это вот как бывает. Работаю месяц

или два, а то и три, думать забуду, как оно пахнет, спиртное. Потому что я знаю за собой эту слабость и говорю себе: цыц! Но все-таки она сидит во мне, болезнь моя. Сидит и ждет той минуты, когда я ослабею и не смогу удержаться. Потому что бывают у меня состояния, когда я сам собою недоволен и когда мне кажется, что и другие на меня смотрят волком. А ведь без столкновений не проживешь ни в дружбе, ни в работе. Вот и кидаешься на людей. И все-то делается противным, безнадежным.

– Так это нервы. За что вас судили?

– Извольте! Я ведь судовой моторист. Машина на судне – первое дело, и я человек нужный. Машину я знаю как практик, по опыту, по привычке, не то что судовой механик. Тот сначала учился, изучал машину по книге, а потом уже получил практику. Мне бы тоже интересно узнать, что к чему, да как узнаешь? Механик говорит: делай. Мое дело – исполнять. Привязался я к нему как-то: почему да отчего? Он оборвал: делай, не разговаривай! Не нужно ему, чтобы я знал, когда он сам знает и на себя надеется. А меня заело. Почему он свои знания при себе держит? Кажется мне, что я не хуже его понимать могу. Поругались мы на стоянке в порту. Тут эта самая минута и подошла... Одним словом, потребность запить. Я и запил моментально.

– И на судно не вернулись?

– Не вернулся. Я как в духан залез, мигом налился и стал зверем. Пьяный – я нехороший, свободно могу обидеть человека. К тому же у меня сила чрезмерная, знаете... Товарищи начали уговаривать, и вышла пьяная буза – вспоминать не хочется...

– Прибили, что ли, кого?

– Да, было и это. А судили меня уж потом, когда судно обратно вернулось. В красном уголке всю команду собрали и меня посадили отдельно, как полагается. Помполит обвинителем был... «Он, – говорит, – льет воду на мельницу классового врага». Это я-то! Говорил он много, но мне ничуть не стыдно было, и я еще больше озлился, так что и защищаться не захотел... А стыдно мне стало только вот теперь, сейчас...

– Почему же теперь?

– Да как-то вы толково объяснили. Обыкновенный человек! Ножку цыпленка гложете... А так объяснили!

– Чудак человек, – улыбнулся доктор. – А куда вы едете, позвольте спросить?

– Поступаю на новый теплоход «Дербент». Отдел кадров посылает. Думают, что я на новом месте брошу пить. Я обещал, мне что ж...

– Надо бросить, обязательно надо, – сказал доктор, покашливая, – необходимо взять себя в руки.

– Ладно. Вы тогда хорошо сказали. Лучше не скажешь... Хватит...

Над ними вспыхнул свет. Гусейн стоял посредине купе, заложив руки за спину. Он был грустен и словно прислушивался.

– Куда-то Женя исчезла, – сказал он. – Неужто все с этим долговязым?

– Нравится? – спросил доктор, улыбаясь.

Гусейн молча наклонил голову и вышел в коридор...

Поезд подходил к станции. На темном небе огни нефтяных вышек мигали как звезды, крупные и желтые. Женя, на ходу оправляя волосы, быстро прошла по коридору. Завидев Гусейна, она остановилась и повернулась к раскрытому окну. Он видел, что она вытерла глаза носовым платком. Тогда он подошел к ней и стал сзади.

– Дайте на вас посмотреть, – сказал он грубовато. – Случилось что-нибудь, Женя?

– Оставьте, – сказала она тихо, – пройдет... Я не хочу, чтобы заметили...

Гусейн взял ее за руку.

– Никто и не увидит, здесь темно. Он к вам приставал, да?

– Ничего, – она яростно высморкалась. – Такой подлец... Только, пожалуйста, молчите!

– Я вас позвал тогда, а вы не пошли, – сказал Гусейн укоризненно. – Где же он теперь?

– В тамбуре стоит... Но вы не вздумайте сказать ему что-нибудь...

– Не скажу. – Гусейн вынул из кармана медный пятак и подбросил его на ладони. – Знаете что? Идите себе в купе, как будто ничего не было. Понятно?

Она взглянула на него пристально.

– Вы хотите что-то делать? Гусейн...

– Изуродую его, как бог черепаху, – сказал он тихо и

озабоченно, – только и всего.

– Вы с ума сошли!

– Ничего подобного...

– Не смейте! – Она вцепилась в его рукав и отчаянно зашептала:

– Я вас умоляю, я кричать буду, если вы...

– Чего вы волнуетесь? – сказал Гусейн удивленно. – Если вам неприятно, я не трону его. А не мешало бы.

– Нет, нет, я вас прошу. Что за дикость! Я чуть было сама не ударила его. – Она повела плечами.

– Жалко, что не ударили...

– Нет, теперь я довольна, что удержалась. Вырвалась и ушла. – Она заговорщицки приблизила к нему лицо: – Сейчас вы меня больше испугали. Дикарь этакий! Только не отходите от меня, он может прийти.

Гусейн покосился и рассеянно поиграл пятаком. Она стояла рядом и разглядывала его с интересом.

– Послушайте, – сказала она наконец, – зачем вам вдруг понадобилась эта монета?

– Эта? – Гусейн раскрыл ладонь и тотчас, сжав кулак, сунул ее в карман. – Это обыкновенный пятак.

– Вижу, – с усмешкой сказала Женя.

– От него удар тяжелее... – неохотно пояснил он.

Девушка округлила глаза и вдруг прыснула хохотом. Она хохотала, отвернувшись к окну и закрыв лицо руками. Нахохотавшись, она вздохнула и закусил губу.

– Простите, – шепнула она, сиюсь подавить смех, – это что-то невозможное, вы просто потрошитель какой-то.

Потом она сразу стала серьезна и горячо сказала:

– Все-таки я благодарна вам – вы хороший товарищ. Теперь мы выйдем вместе, и вы поможет мне нести вещи. Как славно, что мы познакомились! Через несколько дней мы можем встретиться с вами. Хотите?

– Хочу, – пробормотал Гусейн; он осторожно освободил руку и оглянулся. – Кажется, идет кто-то.

Штурман Касацкий шел по вагону, тихонько посвистывая. Теперь, при вечернем освещении, он казался моложе и стройнее. Он шел, четко выбивая каблуками размеренные шаги и картинно развернув

плечи. Поравнявшись с Гусейном, он посмотрел ему в глаза светлым, наивным взглядом. «Не вышло, – казалось, говорил этот взгляд, – попробуй ты теперь. Не зевай, малый».

– До чего нахальный, бесова морда, – сказал Гусейн, провожая его глазами. – Кто он такой, интересно?

Поезд пронесся между длинными рядами товарных вагонов, грохоча колесами на стрелках. В окнах замелькали вереницы огней, черные колонны перегонных печей, окутанные клубами дыма. Касацкий сидел у дверей на чемодане.

– Степь, жара и дым, – говорил он проводнику. – Где же цветущий край? Теперь вот извольте: копченый город. Чистейшее надувательство эта экзотика.

Он наслаждался угрюмым молчанием проводника и оглядывал пассажиров смеющимися быстрыми глазами.

Женя, украдкой наблюдавшая его, шепнула Гусейну:

– Этому человеку ничуть не стыдно, сейчас он глядел на меня и улыбался. Знаете, я его боюсь... Powestler